

Малкина Светлана Михайловна

КАНТОВСКИЙ СУД НАД РАЗУМОМ И ПРОБЛЕМА МЕТАФИЗИКИ

В статье рассматривается трактовка Кантом философии как метафизики через вводимую им метафору суда разума. Делается вывод о том, что сцена суда переводит вопрос из сферы фактичности в сферу легитимации, трансформируя тем самым способ философствования. Специфической ее особенностью является то, что разум выступает одновременно в роли подсудимого, судьи и источника закона. Кант сохраняет метафизику как сферу власти разума и, ограничивая ее претензии на знание, обосновывает ее как науку о конечной цели человека.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2015/10-2/27.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 10 (60): в 3-х ч. Ч. II. С. 98-101. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2015/10-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

11. **Czar's Gift to Russia** // Manchester Courier and Lancashire General Advertiser. 1905. August 21.
12. **Dissatisfaction with Recent Reform** // Manchester Courier and Lancashire General Advertiser. 1905. August 24.
13. **Historic Manifesto** // Western Times. 1905. August 19.
14. **Imperial and Foreign** // Manchester Courier and Lancashire General Advertiser. 1905. May 9.
15. **Imperial Manifesto** // Aberdeen Journal. 1905. August 19.
16. **Memorial to Zemstvo Delegates** // Exeter and Plymouth Gazette. 1905. May 8.
17. **National Assembly for Russia** // Dundee Courier. 1905. August 19.
18. **Odessa's Bitter Complaints** // Manchester Courier and Lancashire General Advertiser. 1905. August 23.
19. **Reform in Russia** // The Times. 1905. April 15.
20. **Russian Reforms** // The Times. 1905. March 27.
21. **The Czar's Manifesto** // Yorkshire Post and Leeds Intelligence. 1905. August 21.
22. **The Duma** // Derby Daily Telegraph. 1905. August 23.
23. **The Russian Reforms** // Edinburgh Evening News. 1905. June 13.
24. **The State of Russia** // Aberdeen Journal. 1905. June 22.

**PROJECT ON BULYGIN DUMA CONVOCATION
AND ZEMSTVOS POSITION AS IT IS COVERED BY THE BRITISH PRESS**

Lovyagin Nikolai Vital'evich

*Moscow State Regional Socio-Humanitarian Institute
lovyagin@yandex.ru*

On the basis of the previously unexplored materials of the British press the author examines the position of zemstvos in relation to Bulygin Duma project of 1905. Foreign correspondents responded positively to the idea of the possible participation of zemstvos representatives in the work of the governmental commission but the refusal of the authorities to take into account the opinion of the wide strata of the society they considered as a non-constructive step. Following the promulgation of the Manifesto on Bulygin Duma convocation British journalists voiced the hope that the project, which did not meet the aspirations of the society, finally would not be realized.

Key words and phrases: Bulygin Duma; zemstvo assemblies; public representation; The First Russian Revolution; the British press.

УДК 101+111+929Кант

Философские науки

В статье рассматривается трактовка Кантом философии как метафизики через вводимую им метафору суда разума. Делается вывод о том, что сцена суда переводит вопрос из сферы фактичности в сферу легитимации, трансформируя тем самым способ философствования. Специфической ее особенностью является то, что разум выступает одновременно в роли подсудимого, судьи и источника закона. Кант сохраняет метафизику как сферу власти разума и, ограничивая ее претензии на знание, обосновывает ее как науку о конечной цели человека.

Ключевые слова и фразы: Кант; трансцендентальная философия; метафизика; разум; философия как наука; суд над разумом.

Малкина Светлана Михайловна, к. филос. н., доцент

*Саратовский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
MalkinaSM@rambler.ru*

КАНТОВСКИЙ СУД НАД РАЗУМОМ И ПРОБЛЕМА МЕТАФИЗИКИ[©]

Несмотря на многочисленные попытки в новоевропейской философии рассматривать метафизику как основу построения научного знания, ко времени Канта так и не удалось построить единой философии, снимающей все методологические проблемы отношений метафизического и научного разума. Поэтому Кант в «Пролегоменах ко всякой будущей метафизике, могущей появиться как наука» писал: «Мое намерение – убедить всех считающих занятие метафизикой достойным делом, что совершенно необходимо пока отложить их работу, признать все до сих пор сделанное несделанным и прежде всего поставить вопрос: возможно ли вообще то, что называется метафизикой?» [5, с. 6].

Кант говорит о том, что в результате бесплодных споров метафизики возникает ее отторжение и индифферентизм. Однако такое равнодушие, как он отмечает в «Критике чистого разума», не свойственно человеческой природе. Поэтому *«индифферентисты, как бы они ни пытались сделать себя неузнаваемыми при помощи превращения ученого языка в общедоступный, как только они начинают мыслить, неизбежно возвращаются к метафизическим положениям, к которым они на словах выражали столь глубокое презрение»* [6, с. 11]. Действительно, как покажет дальнейшая история попыток элиминировать метафизику, все они так или иначе содержали в себе метафизику. По Канту, метафизический интерес кроется в самой природе чистого разума,

который в своем стремлении к научному познанию (а наука возможна только при общем синтезе, а не на основе только множества эмпирических фактов) с необходимостью выходит за пределы возможного опыта.

Кант приходит к выводу, что метафизика как наука, подобная физике, только о сверхопытных сущностях, невозможна, она приводит к диалектике, то есть блужданию разума в противоречиях. Она возможна только лишь как критическое исследование разума на предмет его способности к познанию вообще.

Для решения судьбы метафизики Кант учреждает суд (*der Gerichtshof*), который бы, с одной стороны, подтвердил справедливые требования разума (и показал бы, что метафизика в принципе возможна), а с другой, – ограничил бы излишние и необоснованные притязания разума. Сцена суда организует весь замысел критической философии, поскольку решение должно быть вынесено не властно-догматически, а опираясь на законы самого разума. Парадокс ситуации, правда, заключается в том, что разум одновременно является и подсудимым, и источником «вечных и неизменных» законов (*ewigen und unwandelbaren Gesetzen*), а если приглядеться к фигуре судьи (*der Richter*), то и в ней мы увидим все тот же разум. Именно эта сцена суда, где разум дан одновременно как субъект и как объект, видимо, натолкнет Фихте на мысль о самоочевидности Я как исходном фундаменте для наукоучения.

Для Канта эта сцена суда важна еще и в том смысле, что она организует исследование разума не эмпирически, а трансцендентально-дедуктивно. Кант заимствует из юридической практики различие вопроса о праве (*quid juris*) от вопроса о факте (*quid facti*) [Там же, с. 117]. Это приводит его к постановке вопроса не о фактическом устройстве разума (этот вопрос мог бы рассматриваться эмпирической психологией и не иметь всеобщности и необходимости, как и содержание любой эмпирической науки), а о его правах и справедливости его притязаний. Именно метафора суда разума трансформирует поле метафизики. Как отмечает М. Ч. Пьеватоло, в результате деятельность разума является не основополагающей, а юрисдикционной: «Задача разума – не заложить основание для наших систем теоретического и практического знания, но скорее легитимировать их» [9, р. 311].

Решение вопроса о возможности метафизики важно для Канта еще и потому, что для него это должно являться и решением вопроса о философии в целом, поскольку «метафизика и есть подлинная, истинная философия» [2, с. 288]. Под метафизикой Кант понимает «совершенно изолированное спекулятивное познание разумом», которое «целиком возвышается над знанием из опыта, а именно познание посредством одних лишь понятий (но без применения их к созерцанию, как в математике)» [6, с. 22], «это наука, служащая для того, чтобы с помощью разума идти от познания чувственно воспринимаемого к познанию сверхчувственного» [4, с. 379]. Будучи таковой, метафизика всегда представляла собой скорее арену для борьбы, где чемпион всегда оказывался лишь временным победителем, не прямой дорогой, по которой периодически приходится возвращаться назад, «она безбрежное море, в котором движение вперед не оставляет никакого следа, а на горизонте его нет никакой видимой цели, по которой можно было бы судить, насколько мы к ней приблизились» [Там же, с. 378].

С целью придания философии научного статуса по образцу математики и естествознания (обратим внимание, что для Канта как наследника философии Просвещения механика и математика продолжают выступать образцом научности, другое дело, что он не настолько наивен, чтобы по примеру механицизма XVIII в. распространять естественнонаучный образ мысли и на философские объекты) Кант осуществляет свой «коперниканский поворот», делая главной фигурой познания не познаваемый объект, а познающего субъекта.

Кант критикует расплывчатость представления о метафизике как о всеобщем знании, так как тогда не проводится четкой границы между метафизикой и эмпирическими науками, которые также содержат некоторые общие принципы. С другой стороны, априорность познания роднит философию и математику, но и здесь нужно четкое разграничение. Это приводит к тому, что «поскольку сами философы имели неправильное представление о развитии идеи своей науки, разработка ее не могла иметь определенную цель и точно установленное направление» [6, с. 614].

Отвечая на вопросы, как возможны математика и чистое естествознание, Кант говорит о необходимости априорных синтетических суждений, которые, с одной стороны, были бы независимы от опыта (а потому всеобщи и необходимы), а с другой стороны, обращались бы к предметам возможного опыта. В случае же с метафизикой априорные синтетические суждения выходят за сферу возможного опыта, что и служит исходным источником проблемы. В «Критике чистого разума» Кант дает определение метафизики как науки, ставящей целью добиться решения проблем чистого разума, таких как свобода, бог, бессмертие [Там же, с. 44], т.е. сверхчувственного *в нас, выше нас, после нас* [4, с. 412-422]. Это не только характеристика догматической метафизики (как, например, у Вольфа), но и критической метафизики Канта, так как в своей философии так или иначе Кант решает и эти проблемы в том числе.

Почему разум выходит за пределы возможного опыта и может ли он этого не делать? Такова природа человеческого разума, ведь наука возможна только при условии синтеза, который осуществляется у Канта на всех уровнях познания. И если рассудок дает в категориях синтез для предметов возможного опыта, то разум дает принципы, которые должны служить высшим синтезом, придающим науке единство. Без этих принципов наука невозможна, они образуют как бы рамочное соглашение, в рамках которого идет исследование (мир бесконечен во времени и пространстве, в мире нет свободной причины и т.д. – эти принципы явно или неявно организуют научное исследование). Другое дело, что эти принципы, как и показывает Кант в своей трансцендентальной диалектике, не являясь знанием. Иллюзии разума как раз и исходят из того, что «субъективная необходимость соединения наших понятий в пользу рассудка принимается нами за объективную необходимость определения вещей самих по себе» [6, с. 273]. Поскольку эта иллюзия неотъемлемо присуща человеческому разуму, она не перестает обольщать его даже после критики разума, поэтому эта

критика нуждается в постоянном возобновлении. Но цель метафизики – сверхчувственное – настолько важна, что Кант называет ее даже единственной целью разума, и это объясняет, почему люди продолжают сизифов труд метафизики, несмотря на бесплодность усилий на этом поприще (впрочем, сам Кант свою метафизику рассматривает не как очередной подъем сизифова камня, а как, скорее, взгляд со стороны).

Поэтому-то Кант и не отбрасывает метафизику вообще, также как и не запрещает мыслить разуму (несмотря на его возможные заблуждения). Несмотря на всю критику, Кант сохраняет *власть* разума. Спекулятивное применение идей чистого разума, приводящее к диалектике, не отменяет того, что эти идеи имеют естественное применение. Кант сравнивает одностороннюю критику разума с критикой «умниками» правительства, глубину планов которого не понимают [Там же, с. 499]. Корректное понимание «планов» разума состоит в правильном использовании его идей, т.е. с осуществлением их трансцендентальной дедукции. В этом случае трансцендентальные идеи, «хотя и не относятся прямо ни к какому соответствующему им предмету или определению предмета, тем не менее при допущении такого предмета в идее приводят все правила эмпирического применения разума к систематическому единству и всегда расширяют опытное знание, никогда не противореча ему, то действовать согласно таким идеям есть необходимая максима разума» [Там же, с. 500].

Более того, если бы чистый разум был обречен на заблуждения, тогда бы вся процедура суда, нарисованная Кантом, где разум выступает не только в роли обвиняемого, но и судьи, была бы поставлена под вопрос. Кроме того, для Канта важна также роль разума в качестве источника закона, по которому осуществляется как этот суд, так и любая деятельность человека.

Как бы ни были впечатляющи успехи математики и естествознания, эти науки имеют ценность для реализации тех или иных целей человека, но они ничего не делают для достижения *существенных* целей человечества, как и не в состоянии определить, в чем они состоят. В этом смысле метафизика выступает как необходимое завершение культуры человеческого разума, поскольку в ней разум выступает как законодатель, определяющий свои последние цели. Такая метафизика есть не столько система знаний (как школьная философия), сколько наука об отношении всякого знания к существенным целям человеческого разума (как философия по мировому понятию, *in sensu cosmico*) (подробнее см.: [7]).

Задача метафизики в узком смысле как трансцендентальной философии – исследовать разум на предмет его способностей и ограничивать его притязания, чтобы он догматически не принимал принципы разума за знание. Еще более важной оказывается задача чистого практического разума, который, действуя исходя из этих принципов, дает *в правилах поведения* ответы на вопросы метафизики (свободе, Боге и бессмертии души), в отличие от теоретического разума, дающего на них лишь проблематичные ответы. Эти ответы даются исходя из задачи чистого практического разума – достижения высшего Блага.

Свобода достигается через следование в поведении категорическому императиву, т.е. высшему априорному принципу, чистому рациональному закону, независимому ни от чего чувственного. В самом моральном законе нет связи между нравственностью и счастьем (скорее даже нравственность возможна только без оглядки на счастье), мы не можем привести природу в согласие с принципами разума, однако мы *должны* стремиться к высшему благу, поэтому постулируется Бог как сверхприродное существо, которое представляет собой самодостаточный принцип высшего Блага. Поскольку полное соответствие воли с моральным законом может быть достигнуто только в вечности, Кант выводит из этого бессмертие души. Но все это не означает их теоретического познания, это – постулаты, которые значимы только для чистого практического разума.

Таким образом, в критической философии Кант выделяет два опорных пункта: структуру трансцендентального субъекта в «Критике чистого разума», который стремится выйти за сферу чувственного познания, но при этом впадает в диалектику; представление о реальности понятия свободы, учение о которой Кант разрабатывает в «Критике практического разума». В первом случае мы имеем дело с познанием явлений, во втором – сам человек рассматривается как вещь в себе и действует в мире вещей в себе. Эти опорные пункты философии Канта имеют своим фундаментом «понятие разума о безусловном в целокупности всех подчиненных друг другу условий» [4, с. 441].

Следует отметить, что даже в критический период (а именно он вносит решающий вклад в решение данного вопроса) Кант относится к метафизике двойственно. С одной стороны, он ее критикует, даже показывает невозможность теоретической науки о боге, душе и мире, с другой стороны, называет свою критическую философию истинной метафизикой или пропедевтикой для нее. В работе «О вельможном тоне, недавно возникшем в философии» Кант попытался развести совершенно различные смыслы метафизики, сосуществующие в его творчестве под одним термином, назвав учение о природе сверхчувственного гиперфизикой [3, с. 237]. А в письме Гарве от 7 августа 1783 г. он говорит, что его трансцендентальная философия – это не метафизика, а «совершенно новая и неизвестная до сих пор наука, а именно критика разума, рассуждающего априорно» [1, с. 508].

Кант вовсе не отвергает метафизику, потому что, собственно говоря, критиковать еще нечего, ибо то, что носило название метафизики, не является достойной внимания научной метафизикой. В лекциях по логике в 1800 г. Кант пишет: «Философию нельзя изучать уже по той причине, что таковой *еще не существует*» [2, с. 281]. Именно созданию такой новой метафизики и посвящен критический период его философии. В «Критике чистого разума» Кант так обрисовывает контуры этой новой философии: «Философия чистого разума есть или *пропедевтика* (предварительное упражнение), исследующая способность разума в отношении всего чистого априорного знания, и называется *критикой*, или же эта философия есть система чистого разума (наука), т.е. все (истинное и мнимое) философское знание, основанное на чистом разуме в систематической связи, и называется *метафизикой*» [6, с. 612].

Кант разделял метафизику на метафизику природы и метафизику нравов, так как каждая из этих сфер рассматривала человеческий разум в разных его ипостасях: теоретической и практической. Спекулятивная часть метафизики, или метафизика природы делится на трансцендентальную философию и физиологию чистого разума. Первая рассматривает только сам рассудок и разум в системе всех понятий и основоположений, относящихся к предметам вообще; вторая из этих наук исследует природу, т.е. совокупность данных предметов.

Физиологию чистого разума Кант начал описывать в работе «*Метафизические начала естествознания*», которая как раз и посвящена исследованию природы на основании априорных принципов, которые он заимствует из «*Критики чистого разума*» как трансцендентальной философии, которую он сам называет пропедевтикой к метафизике. При этом метафизика природы продолжает вышеупомянутую сцену суда. Здесь разум выступает в качестве судьи, а природа оказывается в роли свидетеля, которого судья заставляет отвечать на поставленные вопросы [Там же, с. 21-22]. По Канту, одного эмпирического естествознания недостаточно для построения науки, которой может являться только система знаний, упорядоченная согласно принципам, которые обеспечивают аподиктическую достоверность и необходимую взаимосвязь положений науки. Таким образом, структура «*Метафизических начал естествознания*» соответствует структуре категорий рассудка: формония (кинематика) соответствует категории количества, динамика – категории качества, механика – категории отношения, а категория модальности применяется к естествознанию в феноменологии.

Метафизика природы Канта редко привлекает к себе внимание, поскольку, безусловно, именно три «*Критики*» представляют собой впечатляющую трансформацию философии. Но тем самым создается неполное впечатление о кантовском замысле, поскольку о метафизике природы Кант пишет уже в «*Учении о методе*» «*Критики чистого разума*», рассматривая критику разума лишь как пропедевтику к истинной метафизике. Поэтому в истории философии Кант часто воспринимается как решительный критик метафизики, в то время, как критика метафизики у него сопровождается позитивной частью, – как метафизикой нравственности, так и метафизикой природы. Эта часть метафизики во многом повлияла на дальнейшее развитие философии в немецком идеализме, который перенял не только открытия критического мышления, но и идею использования открытий критической философии для создания системного видения в других науках.

Двойственность философии как чистой теории и как творческого процесса духовного самоосвобождения, самоочищения с помощью разума проявляется еще в предшествующей Канту философии немецкого Просвещения, в частности, у того же Х. Вольфа. Как отмечает В. Шнайдерс, в XVIII в. «объяснение и критика – термины, хотя сначала и релятивные, затем ставшие ключевыми для самопонимания философии» [8, с. 19], что со всей очевидностью проявится в последующей традиции немецкого идеализма. Именно на фоне критицизма Канта двойственность философии как школьной науки и философии во всемирно-гражданском плане высвечивает внутреннюю противоречивость метафизики, одной из попыток разрешить которую станет спекулятивная философия Гегеля.

Список литературы

1. **Кант И.** Избранные письма // Кант И. Собрание сочинений: в 8-ми т. М.: Чоро, 1994. Т. 8. С. 463-588.
2. **Кант И.** Логика, 1800 // Кант И. Собрание сочинений: в 8-ми т. М.: Чоро, 1994. Т. 8. С. 266-398.
3. **Кант И.** О вельможном тоне, недавно возникшем в философии // Кант И. Собрание сочинений: в 8-ми т. М.: Чоро, 1994. Т. 8. С. 225-245.
4. **Кант И.** О вопросе, предложенном на премию Королевской берлинской академией наук в 1791 году: какие действительные успехи создала метафизика в Германии со времени Лейбница и Вольфа? // Кант И. Собрание сочинений: в 8-ми т. М.: Чоро, 1994. Т. 7. С. 377-459.
5. **Кант И.** Прологомены ко всякой будущей метафизике, которая может появиться как наука // Кант И. Собрание сочинений: в 8-ми т. М.: Чоро, 1994. Т. 4. С. 5-152.
6. **Кант И.** Собрание сочинений: в 8-ми т. М.: Чоро, 1994. Т. 3. Критика чистого разума. 741 с.
7. **Панфилов С. С. И.** Кант о философии в школьном и всемирно-гражданском значении // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2011. № 1. С. 54-57.
8. **Шнайдерс В.** Deus est philisophus absolute summus (О философии Христиана Вольфа и понятии философии) // Философский век: альманах. СПб., 1998. Вып. 3. Христиан Вольф и русское вольфианство. С. 15-46.
9. **Pievatolo M. C.** The Tribunal of Reason: Kant and the Juridical Nature of Pure Reason // Ratio Juris. 1999. Vol. 12. No. 3. P. 311-327.

KANT'S TRIBUNAL OF REASON AND PROBLEM OF METAPHYSICS

Malkina Svetlana Mikhailovna, Ph. D. in Philosophy, Associate Professor
National Research Saratov State University
MalkinaSM@rambler.ru

The article deals with Kant's interpretation of philosophy as metaphysics through his metaphor of "tribunal of reason". The conclusion is made that the scene of tribunal transfers the issue from the scope of factuality into the sphere of legitimation thereby transforming the mode of philosophizing. The specific feature of this scene is that reason acts as the defendant, the judge and the source of law simultaneously. Kant maintains metaphysics as a sphere of the power of reason and limiting its claims to knowledge justifies it as the science of the ultimate goal of the man.

Key words and phrases: Kant; transcendental philosophy; metaphysics; reason; philosophy as science; tribunal of reason.